

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XXI ВЕКА: ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ДЕРИВАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ

Султанова Зулхумор Сабатуллаевна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы Самаркандского
государственного педагогического института*

Ихтиёрова Ирода

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного педагогического
института*

Аннотация. Статья посвящена анализу путей пополнения словарного состава русского языка в первой четверти XXI века. Рассматриваются ключевые деривационные модели, преобладающие в условиях цифровизации и глобализации. Особое внимание уделяется специфике заимствований и их адаптации, а также продуктивности определенных морфем. Исследует, как социально-политические изменения трансформируют внутренние ресурсы языка, порождая уникальные лексемы.

Ключевые слова: неологизмы, деривация, русский язык XXI века, словообразовательные модели, заимствования, окказионализмы.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the ways of replenishing the vocabulary of the Russian language in the first quarter of the 21st century. The key derivational models prevailing in the conditions of digitalization and globalization are considered. Special attention is paid to the specifics of borrowings and their adaptation, as well as the productivity of certain morphemes. The author explores how socio-political changes transform the internal resources of the language, giving rise to unique lexemes.

Keywords: neologisms, derivation, Russian language of the 21st century, word-formation models, borrowings, occasionalisms.

Языковая система начала XXI столетия представляет собой динамичное пространство, оперативно реагирующее на тектонические сдвиги в социальной, технологической и культурной сферах. В отличие от стабильных периодов развития, современный этап характеризуется «лексическим взрывом», когда скорость появления новых слов опережает возможности их лексикографической фиксации. Неологизация сегодня — это не просто заполнение лакун, а сложный процесс перекодирования реальности. Основным катализатором изменений выступает интернет-коммуникация, стирающая границы между книжной и разговорной речью. Как отмечает Н.С. Валгина, современный русский язык переживает период «раскрепощения», где норма становится более гибкой, а словотворчество — массовым [1, с. 42]. Этот процесс подпитывается стремлением носителей к языковой экономии и экспрессии.

Одной из ведущих деривационных моделей начала века стала суффиксация, особенно в сегменте номинации лиц по их деятельности или убеждениям. Суффикс -инг, заимствованный из английского языка, не просто перешел в русский вместе с лексемами (маркетинг, лизинг), но и начал проявлять активность в создании гибридных форм. Однако более интересным представляется возрождение исконных моделей. Например, суффикс -к(а) в контексте феминизации профессий и статусов переживает ренессанс, вызывая бурные дискуссии в академической среде. Если в XX веке формы типа «директорша» имели отчетливый просторечный оттенок, то современные «авторка» или «редакторка» претендуют на статус идеологически маркированных неологизмов, призванных изменить социальную видимость женщин. Параллельно с этим наблюдается высокая продуктивность конфиксации и аббревиации. В эпоху мессенджеров и клипового мышления

слово стремится к сжатию. Создание сложносокращенных слов, таких как «цифровизация» или «дистанционка», демонстрирует стремление языка к универсализации понятий. Подобные новообразования часто возникают в разговорной речи как окказионализмы, но быстро закрепляются в медийном дискурсе благодаря своей краткости и точности.

Особую роль в формировании неологизмов играет деривация на базе англицизмов. Мы наблюдаем не просто калькирование, а глубокую морфологическую переработку. Глаголы типа «хайпануть», «захейтить», «погуглить» демонстрируют полную интеграцию чужеродного корня в русскую парадигму: они принимают приставки, суффиксы и окончания, характерные для славянской глагольной системы. Это свидетельствует о высокой адаптивной способности русского языка, который «переваривает» внешние заимствования, подчиняя их своим внутренним законам. Избыточность заимствований порой ведет не к обогащению, а к «засорению» речи, когда за новыми словами скрывается отсутствие новых смыслов. Анализируя его идеи, можно отметить, что исследователь видит в этом проявление лингвистической тревоги общества, пытающегося угнаться за стремительно меняющимся миром через внешнюю атрибутику слова.

Трансформация лексики в XXI веке также неразрывно связана с понятием «языковой игры». Неологизмы часто рождаются как результат ироничного переосмысления действительности. Использование контаминации — смешения двух основ в одном слове — позволяет создавать емкие образы. Примерами могут служить лексемы вроде «прихватизация» (хотя она возникла чуть раньше, её деривационная модель остается актуальной) или современные «зумеры» и «думеры», которые в русском контексте обрастают специфическими коннотациями. Здесь мы видим, как художественная выразительность проникает в повседневную коммуникацию, превращая обычного носителя языка в творца. Интересен также процесс «ревитализации»

старых слов с приданием им новых значений. Слово «волонтер», имевшее в дореволюционной России вполне конкретное военное значение, в XXI веке стало обозначать широкий круг лиц, занимающихся безвозмездной помощью. Это так называемая семантическая неологизация, где внешняя оболочка слова остается прежней, но его внутреннее содержание полностью обновляется в соответствии с запросами времени. Анализируя источники неологизмов, нельзя игнорировать профессиональные жаргоны, которые активно проникают в общий обиход. Сленг IT-специалистов, геймеров и финансовых аналитиков становится базой для формирования общеупотребительной лексики. Происходит своеобразная «детерминологизация»: слова «дедлайн», «кейс», «профит» выходят за пределы узких сообществ и становятся частью лексикона среднестатистического горожанина. Это подтверждает тезис о том, что профессиональная стратификация общества в XXI веке оказывает на язык большее влияние, чем территориальные диалекты.

Специфика формирования новых слов в этот период также заключается в их «виральности». Благодаря социальным сетям новое слово может пройти путь от случайной опечатки или шутки до общепризнанного термина за считанные дни. Однако у этой медали есть и обратная сторона: такие неологизмы часто оказываются недолговечными. Они вспыхивают в контексте конкретного события и исчезают вместе с ним, не успевая войти в ядро лексической системы. Тем не менее, сам механизм их появления дает лингвистам богатый материал для изучения «живого» словообразования в реальном времени. Первая четверть XXI века демонстрирует нам гибкую, открытую и крайне агрессивную в плане саморазвития языковую модель. Русский язык не просто пассивно принимает инновации, он активно трансформирует их, используя как традиционные (аффиксация, словосложение), так и заимствованные средства.

Продолжая анализ деривационных процессов, необходимо остановиться на семантической неологизации, которая зачастую остается менее заметной для обыденного сознания, нежели морфологические инновации, но при этом глубже трансформирует концептуальную картину мира. В XXI веке этот процесс связан с переосмыслением старых форм для обозначения новых технологических и социальных реалий. Например, лексема «облако» в современном дискурсе все реже ассоциируется с атмосферным явлением и все чаще — с удаленным хранилищем данных. Как отмечает В.Г. Костомаров, такие сдвиги свидетельствуют о «вторичной номинации», где язык идет по пути наименьшего сопротивления, используя уже имеющийся звуковой комплекс для закрепления новых понятий [2, с. 142]. Особое место в системе формирования неологизмов занимает так называемая «графиксация» — использование элементов латиницы или графических символов внутри кириллического слова. Примеры типа «интернет-PRостранство» или «Smiley-культура» иллюстрируют визуализацию языка. Это явление выходит за рамки простой орфографии, становясь способом выражения идентичности и причастности к глобальному информационному контексту. Исследователи подчеркивают, что такая гибридизация отражает промежуточное состояние языкового сознания, которое уже не вполне монолитно-национально, но еще не полностью космополитично.

Рассматривая заимствования как ключевой источник неологизмов, следует выделить стратегию «лексического протезирования». Современный русский язык не просто копирует англицизмы, он использует их как полуфабрикаты. Модель создания композитов (сложных слов) с англоязычным компонентом стала сверхпродуктивной. Компоненты шоп-, бизнес-, онлайн-, фитнес- фактически превратились в префиксоиды. Словообразовательная цепочка здесь работает на опережение: появление понятия «вебинар» (от web + seminar) мгновенно порождает в русском языке

производные «вебинарить», «вебинарный», что доказывает высокую жизнеспособность русской морфологии, способной «приручить» любую иноязычную основу. Современное словотворчество напоминает конструктор Lego. Носитель языка берет готовые блоки и соединяет их, часто игнорируя традиционные правила сочетаемости. Это приводит к возникновению «слов-кентавров», которые шокируют пуристов, но идеально обслуживают нужды скоростной коммуникации. Анализируя критика, язык сегодня — это не застывший храм, а шумная стройплощадка, где функциональность ценится выше эстетики.

Другим важным источником неологизмов выступает политический и социальный эвфемизм. В начале XXI века сформировался пласт лексики, призванный смягчать или маскировать острые общественные явления. Лексемы вроде «отрицательный рост» или «хлопок» (в значении взрыва) являются продуктом намеренной деривации смыслов. Здесь мы сталкиваемся с феноменом, когда неологизм создается не для прояснения реальности, а для её идеологической ретуши. В.Н. Шапошников указывает, что такие образования быстро переходят из официальных отчетов в живую речь, приобретая там ироническую окраску и становясь базой для создания народных окказионализмов [6, с. 210]. Нельзя обойти вниманием и сферу «психологической номинации». Развитие культуры осознанности и популяризация психологии в России привели к массовому внедрению терминов, ставших неологизмами-диффузорами: «токсичность», «абьюз», «газлайтинг». Эти слова интересны тем, что они заполняют лакуны в описании межличностных отношений, для которых в классическом русском языке не было столь лаконичных определений. Деривационный потенциал здесь огромен: от существительного «токсик» до глагола «абюзить». Язык XXI века становится более антропоцентричным, фокусируясь на внутренних состояниях индивида.

В области морфологии наблюдается любопытная тенденция к аналитизму. Традиционно синтетический русский язык начинает тяготеть к неизменяемым формам, особенно в рекламном и медийном дискурсе («стиль ретро», «цвет хаки», «формат 3D»). Это упрощение грамматических связей способствует более быстрому усвоению неологизмов, так как они не требуют сложного согласования внутри предложения. Однако, как отмечают критики школы Е.А. Земской, это может привести к постепенному размыванию падежной системы в долгосрочной перспективе, хотя на текущем этапе это лишь маргинальная тенденция [3, с. 204]. Цитаты из кино, интернет-мемы и высказывания публичных личностей становятся источниками для деривации по аналогии. Создание слов по модели известных брендов или медийных клише (например, прибавление суффикса -гейт к любому скандальному событию — «диссергейт») демонстрирует игровое начало современного языка. Носитель языка XXI века — это не просто пользователь, а «*homo ludens*» (человек играющий), для которого слово является инструментом интеллектуальной провокации. Специфика формирования неологизмов в русском языке XXI века заключается в их синкретизме. Основными источниками служат глобальный английский язык, профессиональные жаргоны и социально-политический контекст. Ведущими деривационными моделями остаются суффиксация (в том числе гибридная), композиция и семантический сдвиг. Несмотря на опасения некоторых лингвистов о «потере самобытности», современный русский язык демонстрирует поразительную витальность, превращая внешние заимствования в органичную часть своей структуры и продолжая развиваться как живой, саморегулирующийся организм.

Список использованной литературы:

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. — М.: Логос, 2003. — 304 с.

2. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. — СПб.: Златоуст, 1999. — 320 с.
3. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. — М.: Флинта, 2011. — 328 с.
4. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 232 с.
5. Стернин И.А. Общественные процессы и развитие языка. — Воронеж: Истоки, 2004. — 93 с.
6. Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. — М.: МАЛП, 1998. — 303 с.